вопросов: в территориальных постановлениях решаются вопросы государственных границ; в политических – устанавливаются права и свободы граждан, закрепляется обязательство наказывать военных преступников; в военных – регулируются вопросы ограничения вооруженных сил, военного производства; в экономических – устанавливается объем репараций и реституций и т.д. Примером может послужить окончание первой мировой войны, получившее свое международно-правовое оформление в виде ряда мирных договоров 1919 – 1920 годов, которые составили Версальскую систему мирных договоров. После второй мировой войны страны антигитлеровской коалиции подписали в 1947 году выработанные на Парижской мирной конференции мирные договоры с Италией, Финляндией, Румынией, Венгрией и Болгарией.

Согласно ст. 40 IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года, всякое существенное нарушение перемирия одной из сторон дает право другой отказаться от него и даже, в крайнем случае, немедленно возобновить военные действия[1]. Нормы о защите жертв войны, в отличие от норм, регулирующих ведение военных действий, подлежат применению до окончательного урегулирования подпадающих под их действие вопросов. Режим обращения с ранеными и больными военнослужащими, а также военнопленными соблюдается до их репатриации.

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ

Д. В. Бахарев
к.ю.н., зав. кафедрой экономики и права ГОУ ВПО ХМАО-Югры «Сургутский государственный педагогический университет»

В криминологической литературе достаточно давно и вполне обоснованно уделяется значительное внимание той роли, которую играют данные, полученные демографической наукой, в процессе познания и

[1] IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года.

общих причин преступности, и причин ее территориальных различий. Ведь еще в период становления криминологии в качестве самостоятельной науки (вторая пол. XIX века) данные о численности и плотности жителей той или иной территории, половозрастной и поселенческой структуре населения нередко брались за основу параллельно с данными о состоянии правопорядка при изучении причин преступности в территориальном аспекте. Как было зафиксировано позднее, анализ причин преступности в принципе не может быть удовлетворительным, если он не затронул ход важнейших демографических процессов – уровня и плотности населения в городе и на селе, миграции населения и т.д.[1].

Рассматривая общие вопросы криминологического анализа демографических процессов в 1970-х гг., и предварительно характеризуя основные тенденции в расселении населения на тот период времени, советские криминологи констатировали наличие ряда общих закономерностей в демографической сфере жизни общества. Среди них: быстрый рост городского населения; некоторое уменьшение сельского населения при мощных миграционных потоках из сельских поселений в городские; укрупнение городских поселений; рост числа городских поселений и сгущение их сети и ряд др.[2].

Исходя из этих тенденций, у советских ученых того периода имелась реальная возможность сопоставить их со статистическими данными о состоянии преступности по отдельным территориям РСФСР, в частности, поставить следующие вопросы: а) есть ли взаимосвязь между ростом населения городов и состоянием правопорядка в них; б) влияет ли процесс изменения урбанизационной структуры региона на показатели преступности в нем; в) какова роль миграционных процессов в изменении уровня и структуры преступности в центрах притока мигрантов и др. В ходе изучения этих и иных вопросов советская наука зафиксировала ряд следующих закономерностей:

- в большинстве случаев, области с наибольшим коэффициентом прибытия мигрантов – это области с наибольшим уровнем преступности; области с наименьшим коэффициентом прибытия – это области с более низким уровнем преступности[3].

---

[1] См.: Остроумов С., Кузнецова Н. О предмете советской криминологии // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 63.

[2] Бабаев М.М., Кузнецова Э.В., Урланис Е.Б. Влияние демографических процессов на преступность. – М., 1976. С. 60.

[3] Изучение преступности в городах и сельской местности / Бабаев М.М., Карпец И.И., Кузнецова Э.В., Никифоров А.С., и др. – М., 1971. С. 86-88.

- уровень преступности среди приезжих лиц в местностях с особенно высокими показателями интенсивности миграции существенно превышает уровень преступности, средний для данной местности; при этом в районах активной миграции проявляется тенденция к возрастанию как абсолютного числа тяжких преступлений, совершаемых приезжими, так и доли этих преступлений в общей преступности[1].

- рассматривая вопрос о взаимосвязи величины города и, соответственно, численности его населения с уровнем преступности, было отмечено, что прямая зависимость в данном случае проявляется далеко не всегда. Поэтому при организации дальнейших исследований по этому вопросу было рекомендовано учитывать дополнительно комплекс факторов, относящихся к социально-экономической и демографической характеристике каждого города, а также особенности преступности в конкретных городах[2]. Были сделаны также и иные важные выводы, однако объем настоящей статьи не позволяет обрисовать их даже коротко.

Таким образом, для того, чтобы сейчас иметь возможность анализа взаимосвязи демографических факторов и показателей преступности в нашей стране, а также получения ответа на вопрос – не подвергся ли характер этой взаимосвязи определенным трансформациям (и, тем самым выяснить, не нуждаются ли в корректировке наши представления о причинах преступности в целом), – предварительно нам необходимо обрисовать обобщенную картину состояния основных демографических процессов – миграции и урбанизации в современной России.

На рис.1 представлено изменение численности городских поселений в период между переписями населения 2002 и 2010г. Наиболее «пострадали» поселки городского типа с населением до 5000 тыс. человек: за счет массового их перевода в разряд сельских поселений, количество ПГТ сократилось с 988 до 626, т.е. на 37%. Доля же малых городских поселений (с населением до 20 тыс. чел.) в концентрации населения в целом сократилась на 3%.

---

[1] Там же. С. 97.

[2] Бабаев М.М., Кузнецова Э.В., Урланис Е.Б. Указ. соч. С. 91-100.

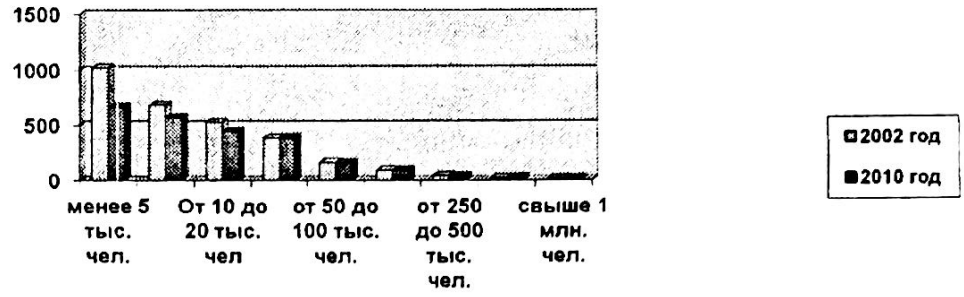

Рис.1. Динамика количества городских поселений в России в 2002-2010 гг.

Структурные сдвиги в концентрации населения городскими поселениями различной степени людности представлены на рис.2 и 3[1].

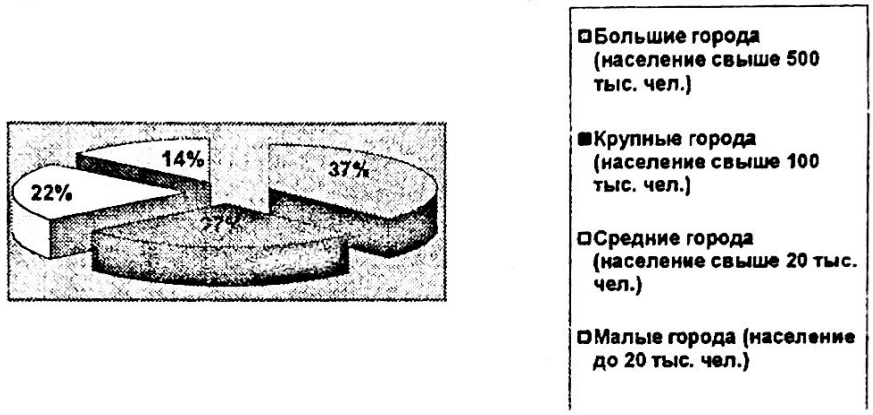

Рис.2. Доля в концентрации населения городами России (по данным переписи 2002г.)

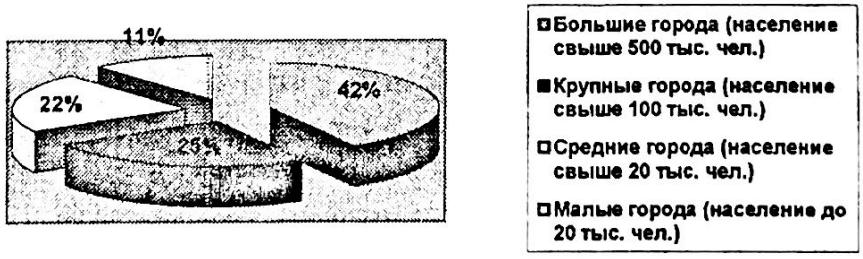

Рис.3. Доля в концентрации населения городами России (по данным переписи 2010 г.)

В целом, представленные выше цифры подтверждают выводы относительно характера развития процессов урбанизации в современной

[1] Данные приведены (рассчитаны) по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 1. Численность и размещение населения // http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_01_05_1.htm; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 1. Численность и размещение населения // http:// www.gks.ru/ free_doc/new_site/perepis2010/croc/ Documents/Vol1/pub-01-06.pdf.

России, сделанные отечественными демографами, географами и регионоведами еще в середине 2000-х гг. Это и заключение о наступившем переломе в динамике численности населения городов, и констатация факта прекращения роста больших городов (с населением более 100 тыс. чел.), и фиксация активного расслоения городов на своеобразных «фаворитов» и «неудачников» (причем в числе последних помимо «традиционных» аутсайдеров – отдаленных районных центров и монофункциональных промышленных центров в наши дни входит все больше крупных городов и центров субъектов Федерации), и наконец, общее заключение о фактическом прекращении эволюции урбанизации и расселения на агломерационном этапе[1].

Что касается миграции населения и, в первую очередь, ее традиционной для нашей страны формы – межрегионального обмена населением, то здесь общая картина на протяжении всего первого десятилетия XXI в. остается в целом неизменной. В принципе, зная особенности взаимосвязи процессов миграции и урбанизации, даже по вышеприведенным данным о сложившейся к настоящему времени урбанизационной структуре страны, можно определить основные направления формирующих ее потоков переселенцев. Это подтверждают и данные об уровне миграционной подвижности по регионам. Так, основным миграционным маршрутом продолжает выступать движение населения из регионов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока в европейскую часть России (в первую очередь, к «столичным» агломерациям – г. Москва и Московская обл., г. Санкт-Петербург и Ленинградская обл.), а также менее интенсивный поток мигрантов (однако, преимущественно, в этом же направлении) из республик Северного Кавказа и Калмыкии.

Кроме того, традиционно сильными центрами притяжения мигрантов в последнее десятилетие выступают Краснодарский край (средний коэффициент прибытий в 2001-2011гг. 63 человека на 10 тыс. населения) и Белгородская область (72,3), причем последняя является крайне привлекательной и для мигрантов из соседних государств. Помимо этого, в России сложился целый ряд т.н. локальных реципиентов – Калининградская (50,3), Самарская (35,5), Томская (21), Нижегородская (12,1), Новосибирская (24,9), юг Тюменской области (14,9), а также республика Татарстан (26)[2]. Согласно данным статистики данные регионы имеют самые

---

[1] См.: Лаппо Г. Итоги российской урбанизации к концу XX века. В кн.: Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О Глезер и П. Поляна. – М., 2005. С. 204-208.

[2] Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. – М., 2012. С. 90-91.

высокие по стране показатели соотношения доходов с прожиточным минимумом, а также самый низкий уровень безработицы[1].

Что касается доноров миграции, то, как уже указывалось ранее, это, прежде всего, территории Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока: Республика Коми (-122,6), Мурманская обл. (-121), Республика Тыва (-84,6), Забайкальский край (-55), Иркутская обл. (-52), Республика Саха (Якутия)(-57), Камчатский край (-116), Магаданская обл. (-187), Чукотский автономный округ (-150,7) и ряд др.; Калмыкия (-89,8) и северокавказские республики: Республика Ингушетия (-190,1), Кабардино-Балкарская республика (-51,5) и др. Кроме этих ярко выраженных и традиционных «полюсов» оттока населения, демографы выделяют и ряд иных, в целом, депрессивных территорий, имеющих много общего с донорами первого порядка (зачастую, даже общие границы), и лишь определенные факторы «смягчают» миграционную ситуацию в этих регионах: Пермский край (-31,2), Кировская обл. (-57,2), Оренбургская обл. (-48), Курганская обл. (-87), Алтайский край (-43,5) и ряд др.[2].

Вышеприведенные данные позволяют нам говорить о смене вектора демографических процессов фактически в противоположную сторону от того направления, в котором они развивались еще в 1970-1980-е гг. Анализ данных о состоянии и динамике этих процессов в последнее десятилетие как в целом по России, так и в региональном разрезе дает основание констатировать следующее:

- сохраняется (хотя и с меньшими, чем в конце 1990-х гг. темпами) отток населения из регионов, которые, наоборот, стремительно заселялись в 1960-1970-е гг. (территории Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока);

- прекращение роста числа городских поселений, стабилизация структуры городского и сельского населения в целом, с одновременным понижением как общего числа городских поселений (переход их в разряд сельских), так их людности;

- продолжающийся рост населения г. Москвы и московской агломерации, а также единичных региональных центров из числа «полюсов» притяжения мигрантов. Подавляющее большинство остальных

[1] См.: Рыбаковский О.Л., Мартыненко С.В. Региональные аспекты анализа миграции населения в России // Народонаселение. 2011. № 4. С. 50.

[2] Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. – М., 2012. С. 90-91.

региональных столиц и крупных городов находятся на стадии начала стагнации количества населяющего их населения[1].

Таким образом, маятник развития демографических процессов в России, находившийся на своей крайней позитивной точке приблизительно около 30 лет назад, в настоящее время двигается в противоположную сторону. И пока не ясно, как долго будут еще сохраняться вышеописанные негативные тенденции демографического развития страны.

Должны ли повлиять выявленные закономерности в демографической сфере современной России на дальнейший ход криминологического изучения влияния демографических процессов на состояние преступности? Вполне очевидно, что да. Ведь даже предварительное изучение показателей преступности в регионах с наибольшим оттоком и притоком мигрантов и, соответственно, пониженным или повышенным уровнем урбанизированности данных территорий, свидетельствует о том, что показатели преступности в регионах первого типа значительно превышают аналогичные показатели в «успешных» с точки зрения демографической ситуации регионах. Эта ситуация значительно отличается от той, которую зафиксировала советская криминологическая наука, поэтому и более углубленное изучение данной проблемы скорее всего даст нам основание для пересмотра уже устоявшихся представлений о роли демографических процессов в генезисе преступности.

[1] См.: Полян П., Мкртчян Н., Карачурина Л., Тархов С. Перепись населения России 2002 года и демографическая реальность. В кн.: В кн.: Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М., 2005. С.689-696.